

Судьба

Авраамий Павлович Завенягин

Блюминг со стороны подачи слитков. 30-е гг

Визит наркома С. Орджоникидзе на Магнитострой. Директор А. П. Завенягин (второй справа). 1933 г

Несомненно, большого ума человек

85
1932-2017

У всех, кому довелось общаться с ним, в памяти сохранился свой Завенягин

Тридцатидвухлетний Авраамий Завенягин появился на Магнитострое в 1933 году. После того, как его предшественника Николая Мышкова отозвали в Москву.

О новом начальнике в Магнитке уже были слышаны. Несмотря на молодость, биографию он имел солидную. Успел проявить себя в революционной и партийной работе, получил хорошее образование, возглавлял Московский институт стали, откуда его перевели в народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР, который возглавлял Серго Орджоникидзе. Этот кадровый ход понадобился Орджоникидзе для того, чтобы рекомендовать Завенягина на должность директора института по проектированию металлургических заводов в Ленинграде. Затем Завенягин стал заместителем начальника главного управления металлургической промышленности. Кроме того, он успел возродить к жизни металлургический завод в Днепродзержинске и вывести его на первое место в стране среди предприятий чёрной металлургии.

В конце 1932 года Орджоникидзе побывал на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. И состояние стройки ему сильно не понравилось. В следующем же году «начальник Магнитки» Мышков был «уволен», а на его место назначен Завенягин. Новый директор быстро понял основные проблемы, тормозившие развитие предприятия. И начал действовать.

Первым делом необходимо было заняться расширением сырьевой базы, рудника. Завенягин решил

организовать добычу руды открытым способом. В отечественной практике это было новшеством, поэтому требовался специалист, способный эту идею реализовать. И такой человек был найден – профессор Боголюбов, крупнейший в стране знаток рудного дела. В своё время он руководил проектированием магнитогорского рудника. Но в 1931 году Боголюбов был арестован как вредитель и приговорён к десяти годам ссылки. Завенягин при поддержке Орджоникидзе добился его освобождения. После приезда в Магнитку Борис Боголюбов какое-то время жил в квартире Завенягина. Что, конечно же, было отмечено соответствующими органами. Завенягину даже сделали мягкое внушение – не покрывать врагов народа и не давать им приют под своей крышей. Ответная реакция удивила многих. Новый директор потребовал улучшить питание и снабжение заключённых, работавших на стройке. В то время у подножия Магнитной горы трудилось более 30 тысяч политических заключённых и около 50 тысяч спецпереселенцев. «Мне нужна рабочая сила, а не дохлаки! Чем лучше мы будем их кормить, тем больше получим выгоды!» – объяснил Завенягин своё решение.

Дальше больше. Завенягин ввёл в практику планирования работы предприятия составление «производственной программы года». Эта находка помогла добиться более-менее стабильного финансирования, без чего никакие новаторские планы не могли осуществиться. Ещё одним фактором, тормозившим развитие комбината, была низкая техническая грамотность. Большинство строителей, в том

числе и передовики производства, были неграмотными или малограмотными. Не умели расписать в ведомостях, не понимали чертежей и документации, которая прибывала на стройку. Завенягин придумал техническому обучению кадров настоящий размах. Были открыты многочисленные курсы для рабочих. Преподавателями стали свои же инженеры. Был введен технический час. И все рабочие ежедневно повышали техническую грамотность. В 1935–1936 годах курсами технического минимума было охвачено 19 тысяч человек.

Учитывая специфику уральского горнозаводского быта, Завенягин стал поощрять строительство индивидуальных приусадебных участков, разведение садов

В последствии он вспоминал: «Нам виделся новый чудесный город. Чтобы решить жилищную проблему, мы пошли и на строительство индивидуальных домов для рабочих. Металлурги, горняки, строители чрезвычайно охотно брали кредиты и строили дома с приусадебными участками. Мы положили начало магнитогорскому садоводству и огородничеству. Когда мы бросили лозунг «Превратим Магнитку в цветущий сад!», кое-кто посмеивался, считал это маниловщиной. А я взял и разбил около своего дома садик – посадил яблони, вишни, развел цветы. Мой сад на Магнитке был если не первым и единственным фруктовым садом на Урале, то во всяком случае одним из весьма небольшого количества

садов. Я не слышал в те годы, чтобы где-то на Урале были фруктовые деревья».

Незаурядные способности позволили Завенягину добиться удивительных успехов. Он не только успешно завершил стройку Магнитки, но и стал первым директором нового предприятия. Но спустя четыре года, в 1937-м, Завенягина убирают из Магнитки. Почему? Версий было несколько. Согласно одной из них: количество доносов на молодого директора превысило все мыслимые размеры. Завенягину обвиняли в том, что он «оброс врагами народа». Последней каплей стала дружба с первым секретарем горкома партии Рафаэлем Хитаровым, который в 1938 году был репрессирован и расстрелян. Припомнили и его общение с Боголюбовым. Неминуемый арест заменили ссылкой на Крайний Север.

В середине 30-х годов Совнарком утвердил план исследований и разработки богатств Крайнего Севера. В июне 1935 года Советом народных комиссаров СССР принято решение о строительстве Норильского горно-металлургического комбината. Триста километров от Игарки и столько же от Полярного круга. Норильская история Завенягина заслуживает отдельного разговора. На личном примере Завенягин доказал, что работать можно и в самых тяжёлых условиях. Он добился решения осуществлять в Норильске полный металлургический цикл – от добычи руды до получения чистых никеля, меди, кобальта. Одновременно наладил опытное производство черновых металлов с отправкой их партий на дальнейшую переработку. Заложил Норильск, выбрав для него площадку, и сформулировал принципы градообразования на Крайнем Севере.

В сентябре 1942 года вышло распоряжение ГКО «Об организации работ по урану». Тогда же определилась главная проблема – в СССР практически не было урана. При этом геологическая служба страны располагала самыми скудными сведениями о месторождениях урановых руд в СССР. А ведь предстояло не только найти эти месторождения, но и научиться получать

металлический уран. Решение этих задач Сталин возложил на своего лучшего специалиста по строительству горно-металлургических комбинатов – Авраамия Завенягина. В 1945–1953 годах Завенягин – заместитель Берии в советском атомном проекте. Он выбирал площадку для строительства первого атомного реактора. Ныне это город Озёрск, который по-прежнему считается «закрытым».

Завенягин спасает из ГУЛАГа группу специалистов. В начале 1946 года он направляет Сталину и Берии письмо с просьбой разрешить «для форсирования работ по продуктам атомного распада привлечение специалистов-заключённых Н. В. Тимофеева-Ресовского, С. А. Вознесенского, С. Р. Царапкина, Я. М. Фишмана, Б. В. Кирьяна и других». Отец советской генетики Николай Тимофеев-Ресовский, который к моменту перевода из лагеря в Челябинск-70–Снежинск едва ли не умер от голода, позже так описывал работу под началом Завенягина: «Жили мы как у Христа за пазухой. Прекрасная лаборатория».

Потом в жизни Завенягина были и первый плутоний, и первая атомная бомба, и первый в мире энергетический атомный реактор. И начало строительства первого в мире атомного ледокола. Умер Авраамий Павлович в последний день 1956 года. По официальной версии – от сердечного приступа. По неофициальной – от лучевой болезни. Тело кремировали, урну с прахом поместили в Кремлёвской стене в Москве на Красной площади.

Вот как вспоминал о нём академик Андрей Сахаров: «Завенягин был жёсткий, решительный, чрезвычайно инициативный начальник; он очень прислушивался к мнению учёных, понимая их роль в предприятии, старался сам в чём-то разбираться, даже предлагал иногда технические решения, обычно вполне разумные. Несомненно, он был человек большого ума и вполне сталинских убеждений. Я иногда задавался мыслью: что движет подобными людьми – честолюбие? страх? жажда деятельности, власти? убеждённости? Ответа у меня нет...»

✍ Андрей Юрьев

Вахта памяти

Бессмертный подвиг

Поисковый отряд «Высота им. Д. Сячина» (г. Москва), образованный в 1989 году в составе Союза поисковых отрядов России, проводит поисковую работу на территории Смоленской области.

Деятельность отряда регламентируется законом Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» и на местах работ согласуется с администрацией районов. Поисковая работа отряда включает поиск, эксгумацию и перезахоронение останков военнослужащих

Красной Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Основная цель поисковой работы – установление личности военнослужащего и его достойное захоронение, установление родственников погибшего и их уведомление.

Весной 2011 года при проведении поисковой экспедиции на территории Ярцевского района Смоленской области нашим отрядом были обнаружены останки военнослужащего Красной Армии, пропавшего без вести в июле–сентябре 1941 года. Среди личных вещей погибшего найден смертный медальон, после прочтения которого удалось установить личность военнослужащего:

ФИО: Шарапов Иван Евдокимович.

Воинское звание: стрелок.

Год рождения: 1905.

Место рождения: Смоленская обл., Думиничский р-н, д. Каменка (ныне – Калужская обл.)

Адрес семьи: жена Шарапова Прасковья Ильинична, Смоленская обл., Думиничский р-н, д. Каменка

В августе 2011 года останки военнослужащего были перезахоронены со всеми должными почестями на воинском кладбище «Поле Памяти» в городе Ярцево Смоленской области.

На протяжении нескольких лет наш отряд ведёт поиск родственников Ивана Шарапова с целью извещения их о месте гибели и захоронения погибшего защитника Отечества. В ходе поиска удалось

восстановить судьбу семьи Шараповых – сложилась она трагически. В первый год войны пропал без вести на войне глава семейства, погибли под артиллерийским обстрелом его жена и старший сын (в дом попал снаряд). Двое осиротевших детей, Аня и Паша, оказались в детских домах.

Семью дочери Ивана Шарапова (внучку и правнучку солдата) удалось найти совсем недавно в Магнитогорске, однако семью его сына разыскать пока что мы не можем.

Со слов родных Анны Ивановны, сын солдата Павел Иванович Шарапов (примерно 1933 г.р.) жил некогда вместе с семьёй на территории 12-го участка в Магнитогорске, работал на Магнитогорском металлургическом комбинате. К сожалению, в 1987 году связь с

Павлом Ивановичем у родных была утеряна, его судьба, состав семьи, а также точный адрес проживания в Магнитогорске, к сожалению, неизвестны.

В архивах различных учреждений Магнитогорска никаких сведений о нём найти не удалось. Возможно, Павел был усыновлен и изменились его фамилия и (или) отчество.

Быть может, эту заметку прочтут и отзовутся родные солдата или люди, знающие что-либо о его семье. Очень надеемся, что с вашей помощью пропавший без вести солдат наконец-то «вернётся» домой с войны, а потерявшие связь родственники найдут друг друга.

✍ Алексей Крутько, зам. командира

ПО «Высота им. Д. Сячина»